Варвара Жданова

О теме денег в романе «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова

«Бертольд
Золота мне не нужно, я ищу одной истины.
Мартын
А мне черт ли в истине, мне нужно золото».

Так в «Сценах рыцарских времен» (1835) А.С. Пушкин отделил служение богатству от служения истине. Такое суждение восходит к евангельской проповеди:

«Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф., 6, 24).

«Иисус, взглянув на него, полюбил его и сказал ему: одного тебе недостает: пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест. Он же, смутившись от сего слова, отошел с печалью, потому что у него было большое имение. И. посмотрев вокруг, Иисус говорит ученикам Своим: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! Ученики ужаснулись от слов Его. Но Иисус опять говорит им в ответ: дети! Как трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие! Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие божие» (Мк., 10, 21—25).

Тема денег в русской литературе (вернее назвать ее темой нестяжательства) пожалуй, как никакая другая показывает идейное единение отечественной классики на ниве гуманизма и созидания, выявляет ее единую кровеносную систему.

Это одна из тех редких тем, которая сама ведет исследователя по широким проспектам деклараций и дальним закоулкам подсознания русских

художников, неизменно выводя к центру, сердцевине отечественной духовности — к творчеству Пушкина. Одним словом, это одна из тех тем, о которой В.В. Розанов мог бы сказать: «Сам то я бездарен, да тема моя талантливая».

Тема еще ждет своего кропотливого исследователя, мы же ограничимся кратким обзором, несколькими штрихами, предваряющими изучение в «Мастере и Маргарите» идейного значения данной темы.

Итак, Пушкин отделяет служение богатству от служения истине, более того, он отдает золото в ведение черта, тем самым противопоставляя истину и золото, как свет и тьму.

Набрасывая план будущего произведения «Влюбленный бес», Пушкин вновь соединяет черта и деньги. Влюбленный бес «хочет погубить молодого человека. Он достает ему деньги, водит его повсюду...»

«Властью тьмы» называет власть денег Л.Н. Толстой.

В центре повествования «Господ Головлевых» (1875-80) Салтыкова-Щедрина — душа, пораженная болезнью стяжательства — Иудушка. Страшно пробуждение этой души под живительным действием Евангелия.

«Злато, злато! Сколько через тебя зла-то!» — грустно каламбурит Несчастливцев в «Лесе» А.Н. Островского (1871).

Грех стяжательства влечет за собой небесную кару.

В творческом сознании Льва Толстого постепенно крепла мысль о губительной силе денег. В позднейшие годы он отрицал полезность денежной благотворительности.

В.Г. Короленко в одной из статей так объяснял его взгляды:

«От раздачи денег истекало зло. Откуда оно? Очевидно, не от внутреннего побуждения дающего. Алчное тяготение обездоленного к протянутой руке тоже естественно. Зло — в самих деньгах, этом изобретении лукавого города. Христос не помогал деньгами, апостолы тоже. Это оттого, что деньги — зло. А значит, дающий деньги — дает зло. Деньгами помогать ближнему не следует.

Можно помогать только любовью. А уже любовь найдет свои пути и свои способы помощи».

В пьесе «Власть тьмы» (1866) старый крестьянин говорит сыну:

«Ты в богатстве, тае, как в сетях. В сетях ты, значит. Ах, Микишка, душа надобна!».

Души мертвеют в погоне за богатством, под властью денег. Это одна из сокровенных идей русской литературы.

А.П. Чехов выводит образ честного, трудящегося «торгового человека». Таков его Лопахин:

«Знаете, я встаю в пятом часу утра, работа с утра до вечера, ну у меня постоянно деньги свои и чужие».

Таков Варламов из «Степи» (1888):

«Петухи еще не поют, а он уж на ногах... Другой бы спал или дома с гостями тары-бары-растабары, а он целый день по степу...»

Но деньги высушивают самые живые характеры, обесценивают самую яркую индивидуальность.

В «Степи» читаем:

«С лица дяди мало-помалу сошло благодушие, и осталась одна только деловая сухость, а бритому, тощему лицу, в особенности когда оно в очках, когда нос и виски покрыты пылью, эта сухость придает неумолимое инквизиторское выражение».

«Варламов был уже стар. Лицо его с небольшой серой бородкой, простое, русское, загорелое лицо, было красно, мокро от росы и покрыто синими жилочками; оно выражало такую же деловую сухость, как лицо Ивана Иваныча, тот же деловой фанатизм».

Лопахин становится палачом вишневого сада. Вырубка вишен — это последний порог, переступив который Лопахин непоколебимо уверует в силу денег, и душа его омертвеет совсем.

«Эй, музыканты, играйте, я желаю вас слушать! Приходите все смотреть, как Ермолай Лопахин хватит топором по вишневому саду, как упадут на землю деревья! <...>

Что ж такое? Музыка, играй отчетливо! Пускай все, как я желаю! (С иронией.) Идет новый помещик, владелец вишневого сада. (Толкнул нечаянно столик, едва не опрокинул канделябры.) За все могу заплатить».

В «Портрете» (1835) Гоголя безусловна преемственная связь скупца Чарткова со Скупым рыцарем Пушкина. Н.В. Гоголь развивает мысль о мертвых душах, погубленных нечистой силой в погоне за богатством.

«Пуки ассигнаций росли в сундуках, и как всякий, кому достанется в удел этот страшный дар, он начал становиться скучным, недоступным ко всему, кроме золота, беспричинным скрягой, беспутным собирателем и уже готов был обратиться в одной из тех странных существ, которых много попадается в нашем бесчувственном свете, на которых с ужасом глядит исполненный жизни и сердца человек, которому кажутся они движущимися каменными гробами с мертвецом внутри наместо сердца».

Контраст живого и мертвого в знаменитой поэме Гоголя отметил еще А.И. Герцен в дневниковой записи 1842 года. С одной стороны, «мертвые души... все эти Ноздревы, Манилов и tutti quanti <все прочие>». С другой стороны, «там, где взгляд может проникнуть сквозь туман нечистых навозных испарений, там он видит удалую, полную сил национальность».

Андрей Белый выдвинул спорную, но интересную мысль о том, что каждый последующий помещик, с которым судьба сталкивала Чичикова, «более мертв, чем предыдущий».

Критик 1920-х годов А.К. Воронский писал: «Герои все более делаются мертвыми душами, чтобы потом почти совсем окаменеть в Плюшкине». Плюшкин — безумный собиратель «сокровищ», помешавшийся на почве стяжательства, как и Чартков из «Портрета» (в определенный момент своей жизни) соотносится со Скупым рыцарем Пушкина.

Чичиков вступил в жизнь, твердо помня родительский завет:

«Товарищ или приятель тебя надует и в беде первый тебя выдаст, а копейка не выдаст, в какой бы беде ты ни был. Все сделаешь и все прошибешь на свете копейкой».

Тема денег, богатства была затронута Пушкиным в ряде сочинений («Сцене из рыцарских времен», «Марье Шоннинг»…), но с особенной силой тема прозвучала в «Скупом рыцаре» (1830) и «Пиковой даме» (1833). Эти произведения стали «опорными» для развития темы денег последующими поколениями русских художников.

В образе Германна Пушкин вывел новую личность, волевого потомка небогатых обрусевших немцев. Замечалось, что ни одно значительное произведение Ф.М. Достоевского не обходилось без фигуры ростовщика. Тема азартной игры и связанного с ней внезапного обогащения связывает роман «Игрок» и «Пиковую даму». Подросток восхищается не только Скупым рыцарем, но Германном, называя этого пушкинского героя «колоссальным лицом». Раскольников, подобно Германну, вступает в борьбу с миром богатства и стремится этот подчинить.

«Пиковая дама» оказала огромное влияние на развитие русской литературы. Сознательные и бессознательные реминисценции, аналогии, идейное влияние «Пиковой дамы» можно заметить в самых разных произведениях.
Борис Друбецкой («Война и мир») в интересной критической интерпретации Д.И. Писарева оказывается героем, генетически связанным с Германном (мотив игры, здесь дипломатической; подчиненность любви рассудку; угроза «высушить» душу).

«Дипломатическая игра имеет такие затягивающие свойства и дает такие блестящие результаты, что человек, погрузившийся в эту игру, скоро начинает считать мелким и ничтожным все, что находится за ее пределами; все события, все явления частной и общественной жизни оцениваются по своему отношению к выигрышу или проигрышу; все люди делятся на средства и на помехи; все чувства собственной души распадаются на похвальные, т.е. ведущие к выигрышу, и предосудительные, т.е. отвлекающие внимание от процесса игры.

В жизни человека, втянувшегося в подобную игру, нет места таким впечатлениям, из которых могло бы развернуться сильное чувство, не подчиненное интересам карьеры. Серьезная, чистая, искренняя любовь со всеми своими торжественными и святыми обязанностями не может укорениться и высушенной душе человека, подобного Борису».

В «Бесприданнице» (1879) А.Н. Островского главенствует тема бедности и богатства, тема денег, золота. Здесь Карандышев — жених главной героини, отчасти, пародийный «рыцарь денег» — Германн. Он не дотягивает до рыцаря по своим душевным свойствам (слишком уже мелочен, обыкновенен) и ему далеко до богача по материальному состоянию. Но он хочет выглядеть и тем и другим, хочет быть Германном.

Тема выигрыша и проигрыша сопровождает «Вишневый сад». Она соединяется с темой случая. На счастливый случай вечно надеется бедный помещик Пищик: «Двести тысяч выиграет Дашенька... у нее билет есть». Фокусы, карточные фокусы показывает Шарлотта — гувернантка-немка. На кону — самое дорогое, сокровенное — прекрасная душа этого мира. Казалось бы, можно достать денег, выкупить и сохранить. Но апатичные хозяева имения будто чувствуют ложность идеи спасения через деньги, предпочитают вишневым садом пожертвовать. И лишь как искушение возникает:

«Гаев. Хорошо бы получить от кого-нибудь наследство, хорошо бы выдать нашу Аню за очень богатого человека, хорошо бы поехать в Ярославль и попытать счастья у тетушки-графини. Тетка ведь очень, очень богата». Внезапно появилась старуха-графиня, будто из «Пиковой дамы»...

Вслед за Ф.М. Достоевским сочтем «Скупого рыцаря» не столько историческим произведением, сколько произведением, написанном на современном материале, о проблемах жестокого, железного XIX века.

«Он умер. Боже! Ужасный век, ужасные сердца!» — восклицает Герцог в финале «Скупого рыцаря». Век, из-за дележа богатства, толкающий в смертельную схватку отца и сына — жестокий, железный век.

Эпитет «железный», по отношению к буржуазной современности, придуман А.С. Пушкиным для контрастного сопоставления с веком золотым, под которым понималось время чистой дружбы, младенческого бескорыстия, любви к искусству.

Железный век впервые упоминается в «Разговоре книгопродавца с поэтом» (1824), где торговец выступает искусителем, марающим поэтические идеалы свободы и славы. Он проповедует, что золото — воплощение истины. Конечно, его «полезная истина» — опасная ложь, поверив ей, начав копить золото, можно погубить душу «до конца».

«Век девятнадцатый, железный, воистину жестокий век» уже гораздо позже появляется в «Возмездии» Александра Блока. И эти строки восходят к Пушкину.

У Блока:

Век буржуазного богатства
(Растущего незримо зла!)

И далее:

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).

В 1916 году появился рассказ И.А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» (любимый Булгаковым, упомянутый в «Белой гвардии»).

Главный герой этого рассказа — с неуловимой внешностью; ни толстый, ни тонкий; «герой копейки», «мертвый» еще до своей внезапной смерти. Кажется, он еще не сравнивался исследователями с Чичиковым.

Как и Чичиков, Господин из Сан-Франциско («имени его ни в Неаполе, ни на Капри никто не запомнил») кажется, одно из воплощений антихриста.

6 ноября 1923 года Булгаков записал в дневнике:

«И читаю мастерскую книгу Горького «Мои университеты»... Несимпатичен мне Горький как человек, но какой это огромный, сильный писатель и какие страшные и важные вещи говорит он о писателе».

Трудно сказать наверняка, какое именно идейное положение горьковской книги поразило Булгакова.

Один из персонажей сравнивает истинного творца с Христом:

«— Это, знаете, — художники, сочинители. Таким же, наверное, чудаком Христос был».

Мысль горьковского героя, судя по всему, могла оказаться близкой, запасть в душу.

В повести Горького вновь встречаем мотив отрицания «чертовой» власти денег.

«И выхватив из кармана пачку разноцветных кредиток, предлагал:

— Кому денег надо? Берите, братцы!

Хористки и швейки жадно вырывали деньги из его мохнатой руки, он хохотал, говоря:

— Да это — не вам! Это — студентам.

Но студенты денег не брали.

— К черту деньги! — сердито кричал сын скорняка».

Деньги затмевают человеческую душу, отдают ее в ведение черта. Освободившись от власти денег, человек обнаруживает свою истинную, гуманную сущность. Такие традиционные для русской литературы идеи заключены в «Белой гвардии» в сентенцию, шутливую по форме:

«Черт его знает, Василиса какой-то симпатичный стал после того, как у него деньги поперли, — подумал Николка и мысленно пофилософствовал: — Может быть, деньги мешают быть симпатичным. Вот здесь, например, ни у кого нет денег, и все симпатичные».

Если мы будем отыскивать событие, послужившее толчком ко всем роковым происшествиям романа «Мастер и Маргарита», то им окажется даже не сочинение мастером «евангелия от Воланда», но позволивший ему приняться за работу выигрыш ста тысяч рублей

«Жил историк одиноко, не имея нигде родных и почти не имея знакомых в Москве. И, представьте, однажды выиграл сто тысяч рублей.

— Вообразите мое изумление, — шептал гость в черной шапочке, — когда я сунул руку в корзину с грязным бельем и смотрю: на ней тот же номер, что и в газете! Облигацию, — пояснил он, — мне в музее дали».

На полученные деньги мастер «нанял у застройщика две комнаты в подвале маленького домика в садике. Службу в музее бросил и начал сочинять роман о Понтии Пилате».

Небеса не выдают денежные призы. По воле случая, «как черт на душу положит», денежные потоки распределяет другое ведомство.

В ранней редакции этого эпизода читаем:

«— Можете вообразить мое изумление! — рассказывал гость, — я эту облигацию, которую мне дали в музее, засунул в корзину с бельем и совершенно про нее забыл. И тут, вообразите, как-то пью чай утром и машинально гляжу в газету. Вижу — колонка каких-то цифр. Думаю о своем, но один номер меня беспокоит. А у меня, надо вам сказать, была зрительная память. Начинаю думать: а ведь я где-то видел цифру «13», жирную и черную, слева видел, а справа цифры цветные и на розоватом фоне. Мучился, мучился и вспомнил! В корзину — и, знаете ли, я был совершенно потрясен!..»

Мастер видит на облигации жирную и черную цифру 13 — «чертову дюжину». Традиционно для русской литературы, деньги герою подсовывает сатана.

«— Ах, это был золотой век, — блестя глазами, шептал рассказчик, совершенно отдельная квартирка, и еще передняя, и в ней раковина с водой, — почему-то особенно горделиво подчеркнул он, — маленькие оконца над самым тротуарчиком, ведущим от калитки».

Мастер жестоко заблуждается, думая, что на чертовы деньги можно поселиться в золотом веке, в раю отдельно взятого подвальчика со всеми удобствами.

Подвальчик, то же подполье, больше близок к аду, чем к раю. Маленький, почти игрушечный тайный приют — чертова игрушка.

На чертовы деньги, в чертовом подполье мастер сочиняет роман о Понтии Пилате, который в ранних редакциях «Мастер и Маргариты» прямо именуется «евангелием от Воланда».

В «Table-talk» А.С. Пушкина встречаем рассказ о необыкновенной страсти некоего В.А. Дурова — брата знаменитой «кавалерист-девицы».

«Дуров помешан был на одном пункте: ему непременно хотелось иметь сто тысяч рублей. Всевозможные способы достать их были им придуманы и передуманы. Иногда ночью в дороге он будил меня вопросом: «Александр Сергеевич! Александр Сергеевич! как бы, думаете вы, достать мне сто тысяч?». Эксцентричный Дуров думает украсть деньги, обратиться к Ротшильду, занять у государя...

Булгаков, тщательно собиравший материал для пьесы о Пушкине, конечно, был знаком со следующими пушкинскими письмами, в которых уже сам поэт мечтает овладеть суммой в сто тысяч рублей.

В письме жене из Болдина в сентябре 1834 года:

«Ох! кабы у меня было 100 000! как бы я все это уладил...»

В черновике письма Бенкендорфу весной 1835 г. (подлинник — по-французски):

«Чтобы уплатить все мои долги и иметь возможность жить, устроить дела моей семьи и наконец без помех и хлопот предаться своим историческим работам и своим занятиям, мне было бы достаточно получить взаймы 100 000 р. Но в России это невозможно».

Пушкин мечтает о сумме, нежданно доставшейся мастеру. Еще одна нить незримо соединила Пушкина и мастера.

«Боже мой, если бы хотя часть этих денег!» — сказал он, тяжело вздохнувши, и в воображенье его стали высыпаться из мешка все виденные им свертки с заманчивой надписью «1000 червонных».

В гоголевском «Портрете» художник Чартков нежданно-негаданно получает вожделенную сумму (кратную выигрышу мастера).

Заметим, что несомненна преемственная связь этих произведений Гоголя и Булгакова. Наблюдается удивительное сходство в трактовке темы денег. «Хвала вам, художник! вы вынули счастливый билет из лотереи», — пишет жуликоватый подкупленный журналист, видимо, пытаясь красиво высказаться о редкостном даровании, доставшемся Чарткову. Но выходит как бы намек на денежный выигрыш в лотерею.

Странный ростовщик, живой и после смерти, ссужает Чарткова червонцами. Традиционно для русской литературы, он имеет черты антихриста.

«Никто не сомневался в присутствии нечистой силы в этом человеке. Говорили, что он предлагал такие условия, от которых дыбом поднимались волоса и которых никогда потом не посмел несчастный передавать другому, что деньги его имеют прожигающее свойство, раскаляются сами собою и носят какие-то странные знаки...

Отец мой всякий раз останавливался неподвижно, когда встречал его, и всякий раз не мог удержаться, чтобы не произнести: «Дьявол, совершенный дьявол!».

В «Портрете» отец художника Б. сталкивается с искушением, видимо, подстерегшем и мастера.

Он, начиная портрет странноватого ростовщика, вдруг испытывает притягательную силу «князя тьмы», его яркий обаятельный флер.

«Окна, как нарочно, были заставлены и загромождены снизу так, что давали свет только с одной верхушки.

«Черт побери, как теперь хорошо осветилось его лицо!» — сказал он про себя и принялся жадно писать, как бы опасаясь, чтобы как-нибудь не исчезло счастливое освещение.

«Экая сила! — повторил он про себя. — Если я хотя вполовину изображу его так, как он есть теперь, он убьет всех моих святых и ангелов; они побледнеют пред ним. Какая дьявольская сила!».

Заметим это многозначное «черт побери» в устах художника, которого и на самом деле нечистый чуть не уловил в сети.

Мастер, в романе которого, как и в «Мастере и Маргарите», сосуществуют добро (обаятельное в своей слабости, но уж очень немощное) и зло (деятельное могущественное) не заслуживает света.

И сам М.А. Булгаков немножко сочувствует веселой шайке Воланда, проделки которой радуют и забавляют автора и читателя.

Пушкин писал:

«Зачем же и в нынешних писателях предполагать преступные замыслы, когда их произведения просто изъясняются желанием занять и поразить воображение читателя? Приключения ловких плутов, страшные истории о разбойниках, о мертвецах и пр. всегда занимали любопытство не только детей, но и взрослых ребят; а рассказчики и стихотворцы исстари пользовались этой наклонностью души нашей».

Обратим внимание на одну деталь, скорее всего, подсознательно введенную замечательным художником Булгаковым. Потенциально выигрышную облигацию мастер засунул в корзину с грязным бельем. Не отложил бережно в ящик комода, не позабыл в кармане пиджака, не бросил небрежно на стол...

Мастер, потратив неожиданно доставшийся капитал на, казалось бы, благое дело, надеется этим «очистить», «отмыть» деньги. В убеждении, что деньги поддаются «очищению» заключалась роковая ошибка мастера.

Едва ли не главное искушение, уготованное алчным москвичам шайкой Воланда — дармовые червонцы. Здесь, конечно, в первую очередь вспоминается денежный дождь в театре Варьете на сеансе черной магии. «Поднимались сотни рук, зрители сквозь бумажки глядели на освещенную сцену и видели самые верные и праведные водяные знаки. Запах также не

оставлял никаких сомнений: это был ни с чем по прелести не сравнимый запах только что отпечатанных денег».

Отметим, что сеанс в Варьете начинается с карточных фокусов. Затем колодой награждается какой-то картежник. Вероятно, из-за его страсти к игре черти благоволят к нему.

«— Пусть она останется у вас на память! — прокричал Фагот. — недаром же вы говорили вчера за ужином, что кабы не покер, то жизнь ваша в Москве была бы совершенно несносна».

Потом колода карт, подаренная еще одному гражданину, превращается в пачку червонцев. Деньги и карты, выигрыш и проигрыш еще со времен «Пиковой дамы» оказывались в ведении нечистой силы.

«...Но ведь Пушкин в карты не играл, а если и играл, то без всяких фокусов!» — говорит главный герой «Записок на манжетах», невольно выгораживая, вытесняя Пушкина в область света, хотя широко известна страсть Пушкина к карточной игре. Играл он, конечно, без всяких шулерских фокусов.

«Бумажки, граждане, настоящие!» — утверждает Фагот.

Воланд потом не подтверждает заверений Фагота.

«— Ай-яй-яй! — воскликнул артист, — да неужели ж они думали, что это настоящие бумажки?».

На то они и черти, чтобы обманывать и не выполнять обещаний. Но разве сатане, в распоряжении которого все денежные богатства мира, трудно использовать настоящие червонцы, которые не оборачиваются вдруг или в валюту, или в резаную бумагу?

На наш взгляд, здесь Булгаковым проводится следующая глубокая идея. Люди наивно думают, что владеют бумагами, знают их достоинство. На самом деле, деньги выбиваются из-под людской власти. Они либо превращаются в резаную бумагу, самоуничтожаясь и уничтожая надежды на блага, которые с помощью червонцев могли быть приобретены. Либо рубли оборачиваются валютой, тоже норовя оказать влияние на судьбу владельца кошелька. В те

годы валюта была «мертвым грузом», за ее хранение можно было лишиться свободы.

Деньги подчиняются не людской власти, а только власти сатаны, он и определяет их достоинство.

«— Впрочем, мы замечтались, — воскликнул хозяин, — к делу. Покажите вашу резаную бумагу.

Буфетчик, волнуясь, вытащил из кармана пачку, развернул ее и остолбенел... В обрывке газеты лежали червонцы.

— Дорогой мой, вы действительно нездоровы, — сказал Воланд, пожимая плечами.

— А, — заикаясь, проговорил он, — а если они опять того...

— Гм... — задумался артист, — ну, тогда приходите к нам опять. Милости просим! Рад нашему знакомству».

Занимательна фигура этого «грустного скупердяя» и тайного богача буфетчика, хранящего тысячи в пяти сберкассах и золотые десятки дома в подполье. Он как бы следуя завещанию Книгопродавца Пушкина «копит злато до конца». Между тем, этот конец уже близок. Воланд предсказывает Андрею Фокичу смерть в больнице через девять месяцев.

«— Да я и не советовал бы вам ложиться в клинику, — продолжал артист, — какой смысл умирать в палате под стоны и хрип безнадежных больных. Не лучше ли устроить пир на эти двадцать семь тысяч и, приняв яд, переселиться <в другой мир> под звуки струн, окруженным хмельными красавицами и лихими друзьями».

Воланд советует избрать путь героев «Пира во время чумы».

Итак, — хвала тебе, Чума!
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твое призванье!
Бокалы пеним дружно мы,
И девы-розы пьем дыханье, —
Быть может... полное чумы.

Пушкинские герои «бешено» пируя, предают свои души тьме. Поэтому Воланд подобным советом пытается уловить грешного стяжателя в свои сети. Воланд будто вспоминает пушкинского Председателя, который увлечен:

И новостью сих бешеных веселий,
И благодатным ядом этой чаши,
И ласками (прости меня господь)
Погибшего — но милого созданья...

Конечно, скупердяй-буфетчик — фигура комическая, а пушкинский Председатель — благороден и, скорее, трагичен. Но аналогию с «Пиром во время чумы» провести можно.

В маленькой трагедии тоже появляется советчик. Это священник. Понятно, то его совет прямо противоположен тому, что может посоветовать Воланд.

Я заклинаю вас святою кровью
Спасителя, распятого за нас:
Прервите пир чудовищный, когда
Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души —
Ступайте по своим домам!

Раскаяться и раздать богатства Воланд буфетчику не советует, спасением душ занимается другое ведомство. Но шанс буфетчику дается, быть может, напоминание о смерти пробудит в скупердяе живую душу? Этого не случается. Умоляя остановить болезнь, буфетчик спешит к врачу.

В первых редакциях романа буфетчик бросается в церковь, хочет отслужить молебен о здравии (подобно Иудушке Головлеву, этот стяжатель «истый идолопоклонник»). Но он обнаруживает, что в церкви проходит аукцион, который проводит, стуча молоточком, сам, хорошо знакомый буфетчику, поп. Вероятно, Булгаков собирался этим эпизодом обличить тех священников, которые настолько погрязли во мздоимстве, что без труда могут переквалифицироваться в торговцев.

Подобно буфетчику Сокову, черств душой и Никанор Иванович Босой — самодовольный обыватель и взяточник, поминавший Пушкина всуе.

«Никанор Иванович до своего сна совершенно не знал произведений поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по нескольку раз произносил фразы вроде: «А за квартиру Пушкин платить будет?» или «Лампочку на лестнице, стало быть, Пушкин вывинтил?», «Нефть, стало быть, Пушкин покупать будет?».

Никанор Иванович, которому подсунули доллары вместо рублей, полученных в качестве взятки от Коровьева, доведен шайкой Воланда до клиники Стравинского. Он видит сон.

Ему снится тюрьма, но тюрьма необыкновенная, фантастическая, некий идеал тюрьмы (так же как клиника Стравинского — идеал психиатрической больницы).

Задача фантастической тюрьмы-театра — заставить заключенных, арестованных за хранение валюты, сдать деньги государству. Для этого в женском и мужском отделении арестантов знакомят с произведениями Пушкина. В мужском отделении «известный драматический талант, артист Куролесов Савва Потапович, специально приглашенный, исполнит отрывки из «Скупого рыцаря». В женском зале, видимо, приноравливаясь к более сентиментальному вкусу, исполняют оперу «Пиковая дама». До Никанора Ивановича донесся «нервный тенор, который пел: «Там груды золота лежат и мне они принадлежат!».

Таким образом, Булгаков, развивая тему денег, обращается к двум «опорным» пушкинским произведениям.

Даже Пушкин оказывается бессильным против иных «крепких хозяйственников».

«— В женском театре дамочка какая-то сдает, — неожиданно заговорил рыжий бородатый сосед Никанора Ивановича и, вздохнув, прибавил:

— Эх, кабы не гуси мои! У меня, милый человек, бойцовые гуси в Лианозове. Подохнут они, боюсь, без меня. Птица боевая, нежная, она требует ухода... Эх, кабы не гуси! Пушкиным-то меня не удивишь, и он опять завздыхал».

Пушкин начинает смутно тревожить Никанора Ивановича, мешает спокойно жить, отравляет будничное существование. В конце концов, Никанор Иванович, как видно из эпилога, возненавидел вообще всякое искусство, особенно театр. «В не меньшей, а в большей степени возненавидел он, помимо театра, поэта Пушкина и талантливого артиста Савву Потаповича Куролесова». Довольно «ненатуральным голосом» читает Пушкина Савва Потапович Куролесов. Государственная идеология использует наследие Пушкина в своих целях…

«Умерев», Куролесов поднялся, отряхнул пыль с фрачных брюк, улыбнувшись фальшивой улыбкой...

— Мы прослушали с вами в замечательном исполнении Саввы Потаповича «Скупого рыцаря». Этот рыцарь надеялся, что резвые нимфы сбегутся к нему и произойдет еще многое приятное в том же духе. Но, как видите, ничего этого не случилось, никакие нимфы не сбежались к нему, и музы ему дань не принесли, и чертогов он никаких не воздвиг, а, наоборот, кончил очень скверно, помер к чертовой матери об удара на своем сундуке с валютой и камнями. Предупреждаю вас, что и с вами случится что-нибудь в этом роде, если только не хуже, ежели вы не сдадите валюту!

Поэзия ли Пушкина произвела такое впечатление или прозаическая речь конферансье, но только вдруг из зала раздался застенчивый голос:

— Я сдаю валюту!».

Идея нестяжательства так очевидно проступает в произведениях Пушкина, явно перекликаясь с проповедью Иешуа, что многие черствые души пробуждаются, отказываются от денег.

Вспомним следующий отрывок из романа мастера:

«— Левий Матвей, — охотно объяснил арестант, — он был сборщиком податей... Первоначально он отнесся ко мне неприязненно... Однако, послушав

меня, он стал смягчаться... Наконец бросил деньги на дорогу и сказал, что пойдет со мною путешествовать...

Пилат усмехнулся одной щекой, оскалив желтые зубы, и промолвил, повернувшись всем туловищем к секретарю:

— О, город Ершалаим! Чего только не услышишь в нем. Сборщик податей, вы слышите, бросил деньги на дорогу!

Не зная, как ответить на это, секретарь счел нужным повторить улыбку Пилата.

— А он сказал, что деньги ему отныне стали ненавистны, — объяснил Иешуа странные действия Левия Матвея и добавил: — И с тех пор он стал моим спутником».

Так проповедь Иешуа и Пушкина сливается воедино.

Примечание.

Материал статьи опубликован в составе монографии «Служение и венец. Пушкин в творчестве Михаила Булгакова» издательством LAP Lambert Academic Publishing.